

Василий Розанов

Опавшие листья

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Иллюстрация на фронтиспise:
Василий Розанов.
Около 1910 года. © РИА «Новости»

*Текст печатается по изданию:
Розанов В. В. Опавшие листья. — М.: Современник, 1992.*

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)
Р64

Розанов В.

Р64 Опавшие листья / Василий Розанов. — М. : Альпина Паблишер,
2024. — 448 с. : ил. — (Серия «Главные книги русской литературы»).
ISBN 978-5-9614-8511-0

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-8511-0

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

© Рыжова П., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2024

Предисловие «Полки»

Розанов утверждает новый вид литературы — спонтанной, обрывочной, интимной, практически домашней, где истончается граница между автором и читателем. Но, пытаясь преодолеть традиционную литературу, писатель ощущает, как литература преодолевает его самого.

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Собрание разрозненных афоризмов, провокационных суждений и интимных признаний, в котором Розанов предстает то набожным семьянином, то бунтарем и богоборцем. За этими масками (или состояниями души) скрывается главная драматическая коллизия «Опавших листьев»: страстная любовь к жизни наталкивается на парализующий страх смерти, своей и близких.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Тексты, составившие «Опавшие листья», Розанов написал в 1912 году. На их содержание и интонацию повлияли события личной жизни писателя: ухудшающееся после паралича здоровье его фактической жены Варвары Бутягиной, смерть ее матери Александры Рудневой, с которой Розанов был очень близок, опасная болезнь приемной дочери Саши. В этот же год Розанов ходит в окружной суд, пытаясь отстоять арестованный тираж «Уединенного» — своей первой книги в исповедально-дневниковом стиле, откровенность которой повлекла за собой обвинения в порнографии и разгромные отзывы критиков.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Розанов создал не только новый жанр, но и новый вид литературы — до него таких книг еще не писали. Фрагменты «Опавших листьев» создавались непреднамеренно, между делом: на прогулке, в гостях, «за набивкой табаку» или поеданием арбуза. Розанов записывал свои рассуждения на обрывках бумаги, оборотах писем, визитных карточках и бросал их в одну кучу, не перечитывая. В книге нет общего замысла, темы или сюжета, она выглядит как дневник, созданный не для печати, а для себя и самых близких: здесь много сокращенных имен, названий, неточных цитат, намеков, непонятных широкой публике. Также здесь нет видимого порядка, системы (а в первом томе «Листьев» отсутствует и базовая хронология), что передает ощущение естественного течения жизни, где прошлое тасуется с настоящим, высокое — с низким, важное — с пустяковым. Зинаида Гиппиус, бывшая соратница писателя по Религиозно-философским собраниям*¹, так охарактеризовала стиль розановских «миниатюр»: «Это — то, что мы, каждый из нас, если думает, — не записывает, а если и запишет по привычке к перу, то или разорвет, или, сам страшась перечесть, — спрячет подальше, навсегда»¹. При этом розановские записи исключительно музыкальны, художественно точны и обезоруживающе интимны. Андрей Синявский писал, что при

*¹ Цикл встреч писателей и философов с представителями православного духовенства, организованный в 1901 году. На них обсуждались отношения Церкви с государством, интеллигенцией, взгляды православия на брак, свободу совести. Среди членов-учредителей были Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Дмитрий Философов, Василий Розанов, Александр Бенуа. Закрылись собрания в 1903 году постановлением обер-прокурора Синода Константина Победоносцева.

Точное изображение барышни
Рисунок Василия Розанова.
Из книги Алексея Ремизова «Кукха»

чении «Опавших листьев» можно почувствовать тепло пальцев автора, «это даже не книга, а часть человека»².

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

«Опавшие листья» печатались в типографии Алексея Суворина (в суворинской газете «Новое время» Розанов к тому моменту проработал 14 лет). Первый том (получивший название «первого короба»

после выхода второй части) вышел весной 1913 года тиражом в 2400 экземпляров, «короб второй и последний» — тиражом в 2450 экземпляров летом 1915 года. Решение опубликовать «Листья» Розанову далось нелегко, он колебался, уже даже сдав рукопись в типографию. Своими сомнениями писатель делился в письме Павлу Флоренскому*¹: «Какой-то инстинкт говорит мне, дорогой П. А., что 2-го “Уедин.” печатать не надо и невозможно. <...> Объективно: можно в такой скандал залезть и таких оплеух наполучать “в наш прозаический век” со “своими интимностями”, что “мое почтение”. Субъективно — весьма легко впасть в литературный онанизм, коим я вряд ли уже не страдаю»³. Изданные книги продавались плохо, почти вся выручка уходила на погашение долгов перед типографией. Примечательно, что издания, по меркам книжного рынка того времени, стоили дорого (2 рубля 50 копеек первый том и 2 рубля второй), на что Розанову неоднократно жаловались читатели.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

На систему образов Розанова и парадоксальный ход его мысли определенно оказали влияние произведения Достоевского, которые сам писатель очень ценил. Некоторые смелые мысли автора «Опавших листьев», в частности о женственной

*¹ Павел Александрович Флоренский (1882–1937) — священник, богослов, философ. Принял сан в 1911 году, в последующие годы написал ряд религиозно-философских работ («Столы и утверждение истины», «Очерки философии культа», «Иконостас»). После революции занимался физикой и математикой, работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1933 году Флоренский был арестован и отправлен по этапу, последние годы вплоть до расстрела провел на Соловках. Василий Розанов называл Флоренского «Паскалем нашего времени».

сущности еврейства, гомосексуальности, сопоставлении полов, пересекаются с идеями австрийского философа Отто Вейнингера*¹ из книги «Пол и характер» (1902). Сам Розанов с книгой был знаком, но влияние Вейнингера на себя отрицал. Алексей Ремизов в качестве возможных претекстов «Листьев» упоминал «Исторические афоризмы» историка и славянофила Михаила Погодина: «...самая мысль о форме “Опавшие листья” Погодинская, так сам Погодин в дневнике записал о происхождении первого тома своих исторических исследований — “груда листков и обрывышков”»⁴. По духу же и языку рукописная литература Розанова напомнила Ремизову сочинения протопопа Аввакума: “Розановский стиль” — это самое “юрдство”... идет прямой дорогой от “вяканья” Аввакума из самой глуби русской земли»⁵.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Пресса отозвалась на выход что первого, что второго короба «Опавших листьев»

серией уничижительных статей, стоит пробежаться хотя бы по заголовкам: «Обнаженность под звериною шкурой», «Философ, завязший ногой в своей душе», «Вместо демона — лакей», «Гнилая душа», «Позорная глубина». Общим местом в отзывах на розановские книги стало сравнение писателя с Передоновым из романа Федора Сологуба «Мелкий бес» и Смердяковым из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Небольшую положительную, хотя и осторожную, рецензию на первый короб опубликовал в «Новом времени» первый издатель Розанова Петр Перцов*²: «Удивительная, странно-единственная книга, как странен единственный в своем роде ее автор»⁶. Благожелательные отзывы на розановские сочинения чаще встречаются в частной переписке. К примеру, в письме к Розанову лестно отозвался об «Опавших листьях» литературовед Михаил Гершензон*³: «Вы сами знаете, что книга Ваша — большая книга, что, когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать

*¹ Отто Вейninger (1880–1903) — австрийский философ. Книгу «Пол и характер» Вейninger написал в 1902 году. В ней он утверждал, что мужское и женское начала напрямую связаны с душой человека и характером целой нации. При этом мужской тип, по его мнению, был положительным, а женский — отрицательным. В возрасте 23 лет Вейninger застрелился, что добавило его труду скандальной известности.

*² Петр Петрович Перцов (1868–1947) — поэт, литературный критик, издатель. С 1892 года начал сотрудничать с журналом «Русское богатство», печатал стихи в газете «Неделя» и журнале «Северный вестник». Издавал сборники поэтов-символистов, критических работ Мережковского, статей Розанова («Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки»). Был редактором литературно-философского журнала «Новый путь» и литературного приложения газеты «Слово». После революции работал в музейном отделе Наркомпроса, писал мемуары.

*³ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) — литературовед, публицист. Писал рецензии для «Русских ведомостей», «Русской молвы», «Биржевых ведомостей», был редактором литературного отдела «Вестника Европы», «Критического обозрения», «Научного слова». В 1909 году инициировал издание сборника «Вехи» и выступил автором вступительного слова к нему. Наиболее известны литературоведческие работы Гершензона о Пушкине, Тургеневе и Чаадаеве.

“Опавшие листья” вместе с “Уедин.”»⁷. В частном письме, несмотря на натянутые отношения с автором, книгу хвалил Александр Блок: «Сколько там глубокого о печати, о литературе, о писательстве, а главное — о жизни»⁸. Сам Розанов внимательно следил за отзывами на свои сочинения и негодовал, почему никто из рецензентов не подметил главной, по его мнению, заключенной в них удачи: “Уед.” и “Оп. л.” открыли настоящую литературу, единственную с правом на бытие литературы самоотрицающую и вместе с тем через это именно самоутверждающую»⁹.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После смерти Розанова в 1919 году Эрих Голлербах^{*1}, давний корреспондент Розанова и автор его первой биографии,

организовал кружок по изучению творчества писателя, куда вошли Андрей Белый, литературные критики Виктор Ховин^{*2}, Аким Вольтинский и Николай Лернер^{*3}. Кружок стал частью петроградской Вольной философской ассоциации, которую власти разогнали уже в 1924 году. Зато интерес к Розанову расцвел в среде русской эмиграции: Ховин, считавший себя «убежденным розановцем», уехал в Париж и переиздал там «Уединенное», воспоминаниями о писателе активно делились Зинаида Гиппиус, Николай Бердяев, Владислав Ходасевич, Алексей Ремизов написал книгу-портрет Розанова под названием «Кукха», а журнал «Версты»^{*4} опубликовал предсмертную розановскую книгу «Апокалипсис нашего времени», воспринятую эмиграцией как пророчество и интонационно повлиявшую на многие тексты русского зарубежья,

^{*1} Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) — искусствовед, литературный критик, библиограф. После революции работал в Русском музее, Госиздате, Ленинградском институте книговедения. Писал работы о Розанове, Алексее Толстом, Рерихе, Ахматовой. Исследовал историю гравюры и литографии в России, портретную живопись XVIII века. В 1933 году его арестовали по делу Иванова-Разумника, но вскоре оправдали. Умер Голлербах во время эвакуации из блокадного Ленинграда.

^{*2} Виктор Романович Ховин (1891–1944) — литературный критик и издатель. Ховин был близок к эгофутуристам круга Игоря Северянина: под его началом издавался критический альманах «Очарованный странник», вышел поэтический сборник «Мимозы льна». После революции Ховин выпускает журнал «Книжный угол», где публиковались Юрий Тынянов, Виктор Шкловский, Василий Розанов. Последний становится одним из главных литературных интересов Ховина — он издает книги Розанова и основывает кружок по изучению его творчества. В 1924 году критик эмигрировал, во Франции основал собственное издательство. Во время войны Ховина депортировали в Освенцим, где он погиб.

^{*3} Николай Осипович Лернер (1877–1934) — литературовед. Печатался в «Русском архиве», «Русской старине», «Современнике», «Вестнике Европы», «Биржевых ведомостях». Автор работ об Александре Пушкине, за книгу «Труды и дни Пушкина» получил премию Пушкинского лицея общества. В 1931 году его арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации и скупке музейных ценностей, но оправдали.

^{*4} Журнал русского зарубежья, издававшийся в 1926 по 1928 год в Париже. Его название отсылает к одноименному сборнику Марины Цветаевой. В редакцию входили Дмитрий Святополк-Мирский, Петр Сувчинский, Сергей Эфрон. В журнале публиковались «Житие протопопа Авакума, им самим написанное» с примечаниями Алексея Ремизова, стихи Марины Цветаевой, рассказы Исаака Бабеля, статьи философа Льва Шестова. Всего вышло три номера журнала.

Дом священника Андрея Белева в Сергиевом Посаде, где жил Розанов с 1917 по 1919 год

в частности на «Распад атома» Георгия Иванова.

В позднем СССР чтение Розанова стало знаком принадлежности к неофициальной культуре: в 1973 году Венедикт Ерофеев опубликовал в православном самиздатском журнале «Вече»^{*1} эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», в котором розановские сочинения спасают лирического героя Ерофеева от самоубийства. В 1982 году, уже в Париже, Андрей Синявский выпустил отдельную книгу об «Опавших листьях», где показал, что Розанов оставил миру не систему мыслей, а уникальный образ мышления, «самый процесс мысли». Пытаясь воссоздать

этот процесс, писатель Дмитрий Галковский в начале 1990-х создал «Бесконечный тупик» — масштабный гипертекст, состоящий из разрозненных околотекстов эссе. Тысячестраничная книга Галковского выросла из небольшой статьи о Розанове под названием «Закругленный мир».

Из сегодняшнего дня «рукописная литература» Розанова кажется своеобразным провозвестником стилистики социальных сетей: и в содержании, нарочито интимном, разношерстном, и в форме — в розановских «листочках» есть даже прототипы современных «статусов», в которых уточняется, где, когда и в каком состоянии духа сделана та или иная запись.

^{*1} Самиздатский журнал, издававшийся в СССР с 1971 по 1974 год. Его основателем и главным редактором был историк Владимир Осипов. Позиционировался как «русский неподцензурный машинописный православный патриотический журнал». Несколько номеров «Вече» было переиздано за границей издательством «Посев».

ЧТО ОРИГИНАЛЬНОГО СДЕЛАЛ
В ЛИТЕРАТУРЕ РОЗАНОВ?
ЧЕМ ЭТИ «ЛИСТЬЯ»
ОТЛИЧАЮТСЯ
ОТ ОБЫЧНОГО ДНЕВНИКА?

«Листья» или «листки» — спонтанные лирико-философские записи, передающие мимолетное состояние души. Сам Розанов настаивал на уникальности найденной им литературной формы: «Это несколько не “Дневник”, и не “Мемуары”, и не “раскаянное признание”: именно и именно только “листы”, “опавшие”, “было” и “нет более”, “жило” и стало “отжившим”»¹⁰. Первой книгой в этом жанре стало «Уединенное», вышедшее в 1912 году, но нащупывать жанр Розанов начал гораздо раньше: в 1890-х он печатал в периодике миниатюры, обозначенные им как «эмбрионы»; в частности, самый известный афоризм Розанова про варенье и чай («Что делать? — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай») относится именно к «эмбрионам», напечатанным в 1899 году в сборнике статей «Религия и культура». Признавая сходство между «эмбрионами» и «листьями», Розанов все же проводит принципиальную границу между двумя жанрами: первые обращены к читателю, а вторые существуют, этого читателя как бы не замечая.

Важно, что до открытия новой литературной формы, в которой он будет работать до конца жизни, Розанов никогда не писал собственно художественных книг — только публицистику, эссеистику и философские трактаты. Андрей Синявский сопроводил этот факт любопытным

сравнением: «Ведь это все равно, как если бы, допустим, Гегель, под старость, перешел на стихи. Причем именно стихи оказались бы наилучшей, исчерпывающей формой его философской работы»¹¹.

Большое значение в жанре «листочков» имеет их необычное внешнее оформление. Миниатюра обычно заканчивается заключенной в скобки пометкой о том, когда, в каких условиях и на чем она писалась, при этом текст и примечание к нему нередко входят в комическое противоречие. К примеру, возвышенный и сентиментальный пассаж о любви («Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь») Розанов обрывает сообщением, что текст был записан «в ват...», то есть в ватерклозете. Смысл подобных контрастов автор объяснял в издательском послесловии первого короба «Опавших листьев»: с точностью указывая везде «место и обстановку пришедших мыслей», он хотел показать, что сознание человека нередко находится в разрыве с ощущениями.

Для «листочков» характерно большое количество сокращений: где-то это сделано для удобства и скорости письма (например, «Уед.» — «Уединенное»), где-то в силу нежелания Розанова прямо оскорбить упоминаемых им людей («о поэте Б-те» — Константине Бальмонте), где-то условное сокращение обозначает сакральное для писателя понятие, которое ему не хочется лишний раз называть («Б.» — Бог; крестик вместо «смерти»). Вообще «листки» пестрят подчеркиваниями, курсивом, жирными начертаниями, кавычками, скобками, значками — все это создает у читателя ощущение рукописного, «домашнего» текста. Эрих Голлербах

видел в графическом оформлении розановских книг принципиальное значение: «В его писаниях много чисто “литературного” в буквальном смысле слова “littera”»: их нужно воспринимать непременно зрительно, со всеми сносками, примечаниями, скобками, кавычками и пр. Одного слухового восприятия было бы недостаточно. Будучи прочитаны “ex-cathedra”^{*1}, писания Розанова много проиграли бы в своей выразительности»¹².

На создание эффекта рукописности работают и семейные фотографии, напечатанные в первом издании обоих коробов «Опавших листьев»: на них изображены жена писателя, дети, теща (при этом нет ни одного портрета самого Розанова). Виктор Шкловский обращал внимание на интересную деталь: некоторые из снимков напечатаны в книге без подписи и отступа от края листа, от этого кажется, что перед нами настоящие фотографии, вложенные в книгу.

ЧЕМ «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ОСТАЛЬНОЙ «РОЗАНОВСКОЙ ЛИСТВЫ»?

Двухтомник «Опавших листьев» — наиболее полная книга Розанова, позволяющая

узнать мнение автора по самому широкому кругу вопросов: от литературы и политики до цен в аптеках и привлекательности женской груди. В отличие от камерного дебютного «Уединенного», где само название предполагает концентрацию на личных ощущениях, «Листья» больше обращены к миру. Эта книга бескомпромисснее (Павел Флоренский жаловался, что в ней преобладает ругательный тон) и откровеннее. Розанов, нисколько не смущенный обвинением в порнографии после издания «Уединенного» («Запретили¹³ за «е... м<ать>» и «ж<опу>», микву^{*2} и попа с фаллом in statu erectionis in temple»^{*3}), в последовавших за ним «Опавших листьях» только обостряет скандальные рассуждения на тему пола — выводит математические формулы «возраста совокупления», рассуждает о феномене многожества у крестьянок и предлагает легализовать проституцию.

После 1912 года Розанов продолжил работать в жанре «листочков», создав сборники «Сахарна», «Мимолетное», «Последние листья», «Апокалипсис нашего времени», но именно «Опавшие листья» стали его каноническим текстом. Философ и историк Георгий Федотов^{*4} считал эту книгу самой зрелой из всех розановских сочинений: здесь «в предчувствии

^{*1} С кафедры (*лат.*). В католичестве означает официальную позицию папы по вопросам веры и нравственности. В переносном смысле — нравоучительный тон.

^{*2} В иудейской традиции — водный резервуар для омовения. Миквой пользуются после «осквернения тела» — прикосновения к мертвецу или мертвым животным, семяизвержения, менструации, заражения проказой или гонореей.

^{*3} В состоянии эрекции в храме (*лат.*) правильно — «in templo».

^{*4} Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — историк, философ, публицист. В 1905 году был арестован за участие в социал-демократическом кружке и выслан в Германию. После возвращения в Россию преподавал историю Средних веков в Петербургском университете. В 1925-м получил разрешение посетить Германию для исторических исследований и в Россию не вернулся. С 1926 по 1940 год был профессором Свято-Сергиевского православного богословского института

Редакция газеты «Новое время». 1916 год. Василий Розанов шестой слева в последнем ряду

гибели, но все еще отрочески влюбленный в жизнь, в мельчайшие ее явления, Розанов достигает предельной, метафизической зоркости».

РОЗАНОВ НАЗЫВАЛ
БЕЗДЕТНУЮ ЖЕНЩИНУ
ГРЕШНИЦЕЙ.
ОН ПРОПОВЕДОВАЛ ИДЕАЛЫ
ДОМОСТРОЯ?

Разве что домостроя особенного, розановского. На страницах «Опавших листьев» можно часто встретить рассуждения о предназначении женщин, которые выглядят дремучими даже для начала XX века: «Девушки... вы посланы в мир животом, а не головой», «Судьба девушки без детей — ужасна, дымна, прогоркла».

Но эти суждения, как и все другие розановские провокации, не стоит воспринимать в отрыве от контекста его философии. Говоря о важности материнства, Розанов не пытался указать женщинам на их место, он был заморожен самой магией деторождения и женщинами как существами, этой магией владеющими. При всей наружной консервативности в некоторых аспектах «женского вопроса» Розанов выступал даже с революционными идеями: например, в тех же «Опавших листьях» предлагал установить возраст, по истечении которого незамужняя девушка имеет право заниматься сексом и заводить ребенка, не боясь общественного порицания («Как вы убедите девушку, что ей “не дозволено” и она не может иметь детей, не “дождавшись” мужа, когда она “его ждала” до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец,

в Париже. Редактировал эмигрантский общественно-философский журнал «Новый град». В годы немецкой оккупации переехал в США.

до каких же пор “дождаться” — до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно???)»).

В розановской философской системе иметь детей положено всем, разве что кроме «людей лунного света», особенной категории людей, не чувствующих влечения к противоположному полу. Розанов одним из первых в России заговорил о метафизике гомосексуальности. Полагая, что мужчина и женщина находят свое продолжение друг в друге, он видел в гомосексуалах личностей, изначально обладающих внутренней целостностью, и именно этим объяснял их ярко выраженную талантливость: «Оттого происходит даровитость их, что у них семя полностью всасывается в кровь и оталантливает ее, сообщает ей пылание, и через нее — мозгу. Такие люди суть “окрыленные”»¹⁴.

Розанов, рассуждая о сексе в недопустимых для его времени подробностях, ставил себе целью не шокировать обывателя (ну разве только чуть-чуть, из литературного хулиганства), а показать, что в половой жизни нет ничего априорно дурного и предосудительного. Зинаида Гиппиус писала, что Розанов так боролся с «общим убеждением, в кровь и плоть вошедшим, что “пол — грязь”»¹⁵. В его сочинениях утверждалось совсем другое сопоставление — «пол — Бог», Розанов раскрывал божественную природу сексуальности, которую он соотносил с философией Ветхого Завета («плодитесь и размножайтесь»), иудаизма и других древних религий. Несмотря на стройность и разработанную систему аргументов, современники воспринимали розановскую «теорию пола» скептически, считая, что автор ее — просто-напросто эротоман.

Однако в философии Розанова сам секс не так существенен, он важен как основание семьи. Именно в семье автор «Опавших листьев» видел идеал существования и главную ценность человеческой жизни, которая способна исправить греховную природу человека. Увы, семья самого писателя еще при его жизни практически распалась, и никто из его детей не имел потомства: первая дочь Надя умерла в младенчестве, сын Василий умер от гриппа, дочь Вера после смерти отца повесилась, Варя скончалась в лагерной больнице, старшая Надя умерла в 55 лет. До глубокой старости дожила только любимая дочь Розанова Татьяна, оставившая об отце много ценных воспоминаний: «Ему больше всего хотелось, чтобы у нас были патриархальные семьи и много детей. Бедный папочка, самое главное его желание не исполнилось...»¹⁶

О КАКОМ «ДРУГЕ» В «ОПАВШИХ ЛИСТЬЯХ» ПОСТОЯННО ИДЕТ РЕЧЬ?

Розанов имеет в виду свою фактическую жену Варвару Бутягину, урожденную Рудневу. Он познакомился с ней в конце 1880-х годов в Ельце, где в то время служил учителем географии и истории в мужской гимназии. Бутягина была 21-летней вдовой священника с маленькой дочерью на руках. Розанов не раз отмечал, что чувства к молодой вдове возникли во многом из-за ее рассказов о любви к первому мужу: «Я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала»¹⁷. В 1891 году